

D. A. PRIGOV ASARIDAGI MIF VA MIFOLOGEMA
(“Tarixiy va qahramonlik qo'shiqlari” tsikli asosida)

Vaxitov Yulay Salavatovich - assistant,
Toshkent davlat texnika universiteti Olmaliq filiali
Olmaliq, O‘zbekiston
[*vakhitovyulay@gmail.com*](mailto:vakhitovyulay@gmail.com)

МИФ И МИФОЛОГЕМА В ТВОРЧЕСТВЕ Д. А. ПРИГОВА
(на материале цикла «Исторические и героические песни»)

Вахитов Юлай Салаватович - ассистент,
Алмалыкский филиал Ташкентского государственного
технического университета Алмалык, Узбекистан
vakhitovyulay@gmail.com

MYTH AND MYTHOLOGEM IN THE WORKS OF D. A. PRIGOV
(based on the cycle “Historical and Heroic Songs”)

Vakhitov Yulai Salavatovich - assistant,
Almalyk branch of Tashkent State Technical University
Almalyk, Uzbekistan
vakhitovyulay@gmail.com

ANNOTATSIYA

D. A. Prigovning "Tarixiy va qahramonlik qo'shiqlari" she'riy siklini tahlil qilish orqali muallifning zamonaviy mifologik ongining madaniy kodni dekonstruksiya qilish va o'rnatilgan obrazli tizimni yangilashga asoslangan tamoyillari ochib berilgan. An'anaviy folklor janri tarixiy qo'shiqning rus tarixidagi qahramonlarni tasvirlash, lingvistik vositalarni yangilash va siklga kiritilgan she'rlarning strofik-ritmik naqshlari orqali an'anaviylikdan voz kechish orqali amalga oshirilishi aniqlandi. Butun bir badiiy uslub va adabiy harakat tamoyillarini, shuningdek, klassik janr shakllarini, shuningdek, individual muallif uslubini parodiya qilish naqshlari tavsiflanadi.

Kalit so'zlar: she'riy sikl, mif, absurd, janr, she'riyat, parodiya, "miltillash"

АННОТАЦИЯ

Через анализ стихотворного цикла «Исторические и героические песни» Д. А. Пригова выявлены принципы современного мифологического сознания автора, основанного на деконструкции культурного кода и обновлении устоявшейся образной системы. Установлено следование традиционному фольклорному жанру исторической песни благодаря изображению персонажей

русской истории, вместе с отступлением от традиционализма через обновление языковых средств и строфико-ритмического рисунка стихотворений, включенных в цикл. Охарактеризованы закономерности пародирования как принципов целого художественного метода и литературного направления, так и классических жанровых форм, а также индивидуального авторского стиля.

Ключевые слова: стихотворный цикл, миф, абсурд, жанр, поэзия, пародия, «мерцательность»

ABSTRACT

Through the analysis of the poetic cycle “Historical and Heroic Songs” by D. A. Prigov, the principles of the author’s modern mythological consciousness, based on the deconstruction of the cultural code and the renewal of the established figurative system, are revealed. The adherence to the traditional folklore genre of historical songs is established due to the depiction of characters from Russian history, along with a departure from traditionalism through the renewal of linguistic means and the strophic-rhythmic pattern of the poems included in the cycle. The patterns of parodying both the principles of an entire artistic method and literary trend, and classical genre forms, as well as the individual author's style are characterized.

Key words: poem cycle, myth, absurdity, genre, poetry, parody, "flicker"

Одной из составных частей изданного в Вене в 1996 году первого тома собрания стихов Дмитрия Александровича Пригова является цикл под заглавием «Исторические и героические песни» (1974). Более чем двадцатилетний отрезок между созданием и массовой публикацией цикла традиционно объясним неконъюнктурным характером творчества и личности Пригова, обретшего широкую популярность на родине лишь в эпоху перестройки.

В полагающемся предуведомлении к циклу его автором приводится пространное рассуждение о бытующем в советском обществе типе мифологического сознания, носящем «пушкинско-достоевско-толстовский», а в отдельных случаях более губительный «зоцинковско-хармсовский» характер, под воздействием превалирующего историко-культурного элемента предающий перекодировке устойчивый (положительный) образ народных героев. Об устойчивости не столько самих этих образов (по Пригову «чинов»), сколько конструирующих их народным сознанием мотивов говорит их вакантность, замещению которой способствует «пластичное и милое сращение» в одном лице предшествующих персонажей фольклора и религии (Георгий Победоносец + Аника-Воин = Василий Иванович Чапаев). Немаловажным для Пригова является само восприятие этих вновь явленных в культурном сознании кандидатур. Предостерегая от «опасности сугубо горизонтального среза времени, который порождает либо чистую иронию, либо стилизаторство, типа неоклассицизма»

[1], автор видит своей задачей рассмотрение всего вертикального среза времени, не оставляющего сомнений в серьезности принципа воспроизведения. Такой подход, при однозначно критическом восприятии читателем содержания произведения, обнаруживает метод абсурда, когда за верой в реальность воспроизведения стоит алогизм и парадоксальность мышления автора.

О. Л. Черноризская отмечает: «Метод приведения к абсурду, став плотью художественных произведений, не перестал быть явлением, разрушающим художественный материал культуры» [4]. Деконструкция мифа, а подчас обновление его семантики, становится приоритетной задачей литературы постмодернизма.

Перекодировка культурного мифа происходит у Пригова как на уровне антропонимики, так и в результате неожиданного переименования ключевых исторических событий и биографий их персонажей. В стихотворении «Патриот» сюжет из отечественной войны 1812 года ненавязчиво переплетается с нетривиальным авторским толкованием имени одного из лидеров национально-освободительного движения против польских интервентов Дмитрия Пожарского:

Когда Наполеон ярься
У Александра пол-России,
Уже оттяпал, Дмитрий-князь
В Москве жил – юноша красивый.

Он говорил: «Россия-мать!
С поляками, с другим дружа с кем,
Куда идешь?» - стал поджигать
Дома, и прозван был Пожарским [3, С.131].

Та же игра с семантикой имени исторического героя проявляется и в отношении фамилии Суворова. Причём мотивы номинации, осуществленной якобы в народном сознании, в разных стихотворениях цикла различны. Так в одном из них причиной прозвания стало то, что «Поляков он сурово жучил» («Слуга отечества»), тогда как в стихотворении «Екатерина и Пугачев» трактовка фамилии-прозвища строится в контексте подавления крестьянского восстания Пугачева.

Бытующий с XVIII в. сюжет о спасенном чудесным образом государе, на котором базировалось самозванство Пугачева, подвергается Приговым перекодировке в русле бытовых эротических анекдотов о влюбленном в Екатерину гвардейском гусаре (в трактовке автора). Введённая в

кульминационный момент фигура царева охранника Суворова, помешавшего планам Емельяна и настигшего последнего после его бегства из царской спальни, приводит к псевдонародной антиномии:

За этот свой подвиг народный,
Ночной своей испуг и изъян
Суворов был прозван суровым
И Пугачем – Емельян [3, С. 136].

Исторические песни как жанр сложились на Руси в эпоху татаро-монгольского завоевания и просуществовали вплоть до середины XIX в. Их жизнестойкость можно объяснить высокой динамичностью, приближающей их к частушкам, и достаточно простой композицией, включающей в себя, как правило, один сюжет, построенный по принципу монолога или диалога. Исходя из названия, героями песен становились персонажи русской истории, от князей и императоров до известных предводителей крестьянских восстаний. Таким образом, в привлечении в качестве объектов изображения таких деятелей, как Екатерина Вторая, Суворов, Пугачёв или Пожарский прослеживается следование Приговым фольклорной традиции. Стилизация под исторические песни происходит нередко благодаря использованию просторечий народного языка («жучил», «ейной») и введению устойчивых речевых конструкций, свойственных фольклорной традиции («Как у Стеньки-подлеца / Домик был о три крыльца»).

Напротив, включение в цикл посвящений Сталину («Сталин и девочка», «Сталин и Аллилуева»), Горькому («Домик Максима Горького»), Калинин («Калинин и девочка»), Чапаеву, Буденному («Песнь о лихом красном командарме»), Гагарину, Хрущеву и др. говорит об обновлении и расширении жанровых и тематических границ исторической песни. Этой же задаче способствует активное использование просторечной лексики, а также пародийное обыгрывание штампов и лозунгов советского периода («Сегодня снова я героев славлю!»; «...В небе снова светятся / Звезды древнего Кремля / Красною Медведицей» [3, С.125]). Подобное блуждание автора между эпохами, культурами и языками соответствует выработанной Приговым стратегии «мерцательности», при которой отстояние «художника от текстов, жестов и поведения предполагает временное «влипание» его в вышеназванные язык, жесты и поведение ровно на то время, чтобы не быть полностью с ними идентифицированными, - и снова «отлетание» от них в метаточку стратегемы и не «влипание» в нее на достаточно долгое время, чтобы не быть полностью идентифицированным и с ней» [2, С. 58-59].

В отдельных текстах цикла можно обнаружить отсылки к произведениям классической литературы или пародийное подражание отдельному художественному направлению. Так в стихотворении «Дмитрий Донской» Батый иронично предстаёт в образе традиционного персонажа романтической поэзии начала XIX:

Тоской гонимый прочь от дома
И неприкаян, как беглец,
Батый с печальной ордою
Пришел в Россию наконец [3, С. 137].

Ключевые сюжетные ходы и мотивы пушкинской «Песни о вещем Олеге» обнаруживаются в уже упомянутом тексте – «Песнь о лихом красном командарме». Приговым перенято не только жанровое определение «песнь», но и стихотворный размер, использованный Пушкиным, – четырехстопный амфибрахий, при несоответствии строфических единиц: шестистишия у Пушкина и четверостишия у Пригова. Исторический персонаж, один из первых русских князей приобрел в народном сознании черты полулегендарной героической личности, которая по мысли Пригова, и была одним из тех чинов народных героев, на замещение должности которой был выбран Буденный.

В стихотворении Пригова место волхва занимает связанный белогвардеец – «беляк», пророчащий Буденному «смерть от скотины». Таким образом, здесь обнаруживается следование летописному сюжету о гибели князя Олега, изложенному Н. Карамзиным в его «Истории государства Российского», на который, по одной из версий, опирался Пушкин при работе над своей исторической балладой. Сюжетная перекличка обеих песен продолжается мотивом расставания с любимым конём, однако в отличие от Пушкина Пригов не заостряет внимания на этом моменте, давая понять лишь, что командарм «за ударом готовя удар, / За Мамонтовым помчался» [3, С. 120]. Расхождение обнаруживается и в сцене обретения героем своего любимца: в балладе Пушкина Олег ничего не знает о судьбе коня, пока не спрашивает о нём у своих дружинников, тогда как в стихотворении Пригова Буденный осведомлен о его гибели. Нелепое по своему построению замечание командарма («я б хотел на него / Посмертно взглянуть на досуге!» [3, Там же]) объединяет в себе известный военно-канцелярский штамп «посмертно» и принятую в народном обиходе расхожую формулировку «совершить на досуге». Последующее посещение командармом останков коня пародирует кульминационную сцену пушкинской баллады: Буденный, в подтверждение своей лихости, рубит голову выползшей

«из кости» змее. Включение прямой цитаты из «Песни о вещем Олеге» приводит к лексическому повтору, стилизирующему народную речь исполнителя:

Из кости меж тем гробовая змея
Шипя между тем выползала [3, С.121].

ВЫВОДЫ

Перекодировка культурного мифа происходит у Пригова как на уровне антропонимики, так и в результате неожиданного перекрещивания ключевых исторических событий и биографий их персонажей.

Исторические песни как фольклорный жанр, имеющий ряд отличительных признаков, возникли на Руси в XIII в. в эпоху татаро-монгольского нашествия и просуществовали вплоть до середины XIX в.

В привлечении Приговым в качестве объектов изображения таких деятелей, как Екатерина Вторая, Суворов, Пугачёв прослеживается следование фольклорной традиции. Стилизация под исторические песни происходит нередко благодаря использованию просторечий народного языка и введению устойчивых речевых конструкций, свойственных фольклорной традиции.

Напротив, включение в цикл посвящений Сталину, Горькому, Калинин, Чапаеву, Буденному др. говорит об обновлении и расширении жанровых и тематических границ исторической песни. Этой же задаче способствует активное использование просторечной лексики, а также пародийное обыгрывание штампов и лозунгов советского периода.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Пригов Д.А. Исторические и героические песни.
URL: <https://litresp.ru/chitat/ru/П/prigov-dmitrij-aleksandrovich/moskva/10>
(дата обращения: 22.10.2024)
2. Пригов Д.А. Мерцательность // Словарь терминов московской концептуальной школы. Изд. «AdMarginem», М., 1999. 224 с.
3. Пригов Д.А. Собрание стихов, Том первый. Wiener slawistischer almanach sonderband 42. Wien, 1996. 227 с.
4. Черноризская О.Л. Поэтика абсурда, Т.1, Классика, Вологда, 2001.
URL: <https://www.booksite.ru/fulltext/1/001/001/090/index.htm> (дата обращения: 22.10.2024)